

ДОКЛАД МЭРА МОСКВЫ

Ю.М. ЛУЖКОВА

на заседании ученого совета МГУ им. М.В. Ломоносова

26 февраля 1997 года

ДАВАЙТЕ, НАКОНЕЦ, ВОЗЬМЕМСЯ ЗА УМ!

ПРОМЕДЛЕНИЕ МОЖЕТ ДОРОГО ОБОЙТИСЬ

Промышленное производство в России вошло в новый, 1997 год, говоря образно, на новой волне спада. Москва, как регион-донор, покрывающий почти четверть федеральных расходов России, не может относиться к этому безучастно.

Нам тяжело! 40 триллионов рублей, вносимых Москвой в федеральный бюджет намного превышают разумный максимум. Среднестатистический работающий москвич вносит в федеральный бюджет, более миллиона рублей в месяц. Из-за этой гигантской нагрузки мы не можем выделить достаточно средств на поддержание городской инфраструктуры, на инвестиции. Мы, чтобы помочь другим, фактически проедаем собственную городскую среду. Это было бы вполне нормально, так сказать, по-семейному, если бы наша помощь другим регионам была вызвана тем, что на них обрушились стихийные бедствия, техногенные катастрофы или они подверглись атомной бомбардировке. Но мы не можем смириться с тем, что несем такую непосильную нагрузку только потому, что на страну обрушилась неразумная экономическая политика и утверждается антинародная, в корне порочная экономическая система.

Поэтому, полагаю, никто меня не осудит за то, что, являясь всего лишь мэром города, я затрону проблемы федерального уровня. Правительство Москвы знает их не понаслышке. Москва переживает в сущности те же проблемы, что и вся страна. И

поскольку положение в столице не столь катастрофично, как в России, можно надеяться, что мы исходим из более правильной экономической политики и к нашему мнению стоит прислушаться.

Несмотря на неоднократные заверения Правительства РФ о том, что спад вот-вот прекратится, этого не происходит. Валовой внутренний продукт в России на душу населения в 1996 году составил, по оценкам зарубежных экспертов, 2400 долларов. Это «почетное» 25-е место. Мы уже позади таких стран, как Мексика (\$2750), Таиланд (\$2680), Турция (\$2540), Фиджи (\$2535). За нами лишь страны типа Новой Гвинеи, Ирана, Филиппин, Вьетнама, Непала. Из всех 46 стран, которые имеют валовой внутренний продукт на душу населения более 150 долларов в год, только в России и Новой Гвинее наблюдается падение ВВП. Во всех остальных странах в 1996 году ВВП вырос. Если, впрочем, не считать Швейцарии, где он упал на 0,7% и составил 44 350 долларов. Нам бы их заботы!

Если бы наш спад в 1996 году был бы не 6%, а даже 10%, но ВВП при этом упал бы с 44 до 40 тысяч долларов, это имело бы лишь диагностическое значение для исправления слабых мест в экономической системе. Сейчас - другое дело. Неуклонный спад товарного производства достиг критической черты, за которой возможно саморазрушение экономики или значительной части ее отраслей. Как результат - усиливается неустойчивость финансовой системы. В худшую сторону изменилась структура капитала предприятий. Доля оборотных средств уменьшилась до 8-12%, а доля активной части основных производственных фондов упала до 10-12%, причем конфискационный характер налогообложения почти исключает любую возможность внутрипроизводственного накопления. Вследствие обвального (на 18% в 1996 году!) падения инвестиций в производство физический износ активной части основных производственных фондов превысил границу, за которой возрастает угроза технологического разрушения отечественной промышленности и крупных техногенных катастроф. Еще дам ряд примеров: электроника, химия, автомобилестроение.

Происходит уродливая деформация структуры экономики. В ней явно доминируют добыча и первый передел сырья. При этом такие отрасли, как нефтяная и газовая промышленность,

черная и цветная металлургия, все меньше вовлекаются в производство валового внутреннего продукта России и все больше ориентируются на экспорт, а распределение доходов от экспорта приобретает все более уродливые и социально опасные формы. По данным Госкомстата РФ, доходы от внешнеэкономической деятельности за январь-август составили 1% от ВВП. Гора родила мышь!

Экономика быстро утрачивает свою системную целостность. Сворачиваются многие производства, особенно продукции массового спроса. Деградирует сельскохозяйственное производство. Беспрецедентных масштабов достигло разрушение научно-технического потенциала страны. Россия все более приближается к нищенской экономике «тотального проедания», когда единственным источником существования ее граждан станет экспорт сырья, различных запасов и экологических ресурсов в обмен на импорт почти всего продовольствия и почти всех предметов потребления.

Продолжительность жизни в России сократилась более чем на 10 лет. Опираясь на эту печальную демографическую статистику, можно образно сказать, что, ухудшая экологию, питание и медицинское обслуживание населения, мы проедаем, кроме всех других запасов, также и продолжительность жизни россиян.

То, что программа Правительства России на 1996 год приведет именно к таким результатам, было ясно еще в конце 1995 года. Правительство Москвы официально предупреждало об этом архитекторов реформ и объясняло, почему это произойдет. Но наши советы и предостережения были проигнорированы. Создается впечатление, что Правительство больше заботится о своем имидже, о создании благодушной атмосферы, чем о развитии отечественной экономики. Даже на последнем экономическом форуме в Давосе мы опять услышали о предстоящем нам 5-6-процентном росте ВВП. Если не в 1997 году, то вскоре, но уж никак не позже двухтысячного года. Слушая эти посулы, все чаще вспоминаешь бессмертный эпизод с «золотыми» гириями Корейко.

Развал экономики и обнищание значительной, недопустимо большой, части россиян - безусловно опасные и нездоровые явления. Но и это еще не самое страшное. Гораздо хуже, что есть люди, причем весьма влиятельные люди, богатство которых, несмотря на тотальный спад производства, растет. Это уже да-

же больше, чем парадокс. Это, на самом деле, — смертный приговор. Если эта неестественная тенденция сохранится, — экономическая система и государство не имеют шансов выжить. И по теории, и исходя из исторического опыта.

Но российский народ ни ради этих людей, ни даже ради спокойствия Правительства или Министерства экономики, никогда не согласится прекратить свое существование. Поэтому он обязательно найдет способы себя спасти. Очень не хочется, чтобы это было сделано по рецептам 1917 года. Поэтому мы сами должны исправить ситуацию и обеспечить перелом тенденций социально-экономического развития.

К сожалению, сегодня мы опять, как и в 1995 году, вынуждены твердо сказать: если наша экономическая система и наша экономическая политика не изменятся радикально, падение приостановится только тогда, когда полностью завершится развал всей нашей социально-экономической системы.

Без коренных изменений мы никогда не расплатимся с врачами, учителями, преподавателями, военнослужащими и пенсионерами. Не сможем осуществлять эффективную структурную политику, вести фундаментальные научные исследования, не сможем эффективно защитить гражданские права и имущественные интересы россиян, не сможем занять достойное место в глобальном распределении ресурсов. Боюсь, что мы даже не сможем сохранить независимость.

Убежден, что наш народ достоин лучшей участи, чем почти бесплатное обслуживание экспорта энергоносителей и другого сырья. Разве не мы в 1941 году за несколько месяцев переместили промышленность на Урал и за три года увеличили производство военной продукции в 5 раз? Разве не наши люди за четыре года сумели произвести 108 тысяч самолетов и 95 тысяч танков? Конечно, тогда обстоятельства были чрезвычайными. Но они дают оценку потенциала нашего народа. И ведь этот потенциал проявился даже при административно-командном управлении. Неужели, если утвердить естественную мотивацию, раскрепостить инициативу и предприимчивость, нельзя обеспечить хотя бы такие же или еще более интенсивные темпы развития?

Мы не имеем права на то, что у нас происходит! Государство просто обязано создать такую среду для хозяйствующих субъектов, когда стать богатым можно только производя товары и

услуги для возможно большего числа потребителей. Без этого мы ничего не достигнем.

Чтобы лечить - нужно понять причины болезни. К сожалению, это непросто. В результате безответственной экономической политики напутаны сложнейшие узлы проблем. Но, не развязав их, говорить о кардинальных сдвигах бессмысленно.

РАЗБЕРЕМСЯ. ГДЕ МЫ ПРОМАХНУЛИСЬ

Наверное, главные ошибки мы наделали в приватизации. Мы увлеклись дележом общенародного достояния, но не обеспечили условий, когда новый владелец бескомпромиссно заинтересован в том, чтобы в его руках бывшее госимущество приносило больший доход, чем при административно-командном управлении. Эту ошибку мы усугубили тем, что, приватизировав имущество, мы не приватизировали стоимость воспроизводства рабочей силы. Поэтому почти никто не может на свою заработную плату рассчитаться по реальным ценам за свое жилище, потребляемую энергию, удаление отходов и другие жизненно необходимые ресурсы и услуги. Осталась чрезмерная, унижительная и демобилизующая зависимость граждан от государства, продолжающего, как и при социализме, сначала отбирать почти все, а потом возвращать отнятое в виде дара или подачки.

Указанные стратегические просчеты усугубляются тем, что к настоящему времени разбалансирована, если не сказать разрушена, система наполнения и расходования государственной казны. И здесь дело не столько в недобросовестности налогоплательщиков, плохой работе ВЧК или упущениях налоговых органов. Дело в системных ошибках.

Основными компонентами дореформенной доходной базы были: ресурсная рента и доходы от государственного имущества. Они, хотя и потреблялись населением в неявном виде, тем не менее, давали возможность сбалансировать внутренние цены и доходы граждан. Сейчас эти источники почти полностью утрачены, а система разбалансирована.

Ресурсная рента досталась, в основном, сбытовым организациям. Поэтому массивный экспорт сырья не приносит ни народу, ни бюджету, ни добывающим организациям справедливого дохода.

Второй источник - государственное имущество - тоже отдан за бесценок, а его новые владельцы поставлены в такие условия, что это имущество практически вообще перестало приносить доход кому бы то ни было.

Развал фискальной системы отягощается тем, что даже те урезанные доходы, которые удается извлечь, в основном используются не для образования оборотных средств, финансируемых из бюджета предприятий, а для затыкания дыр в непродуваемой части бюджета. Поскольку большая часть предприятий лишена оборотных средств, население не в состоянии самостоятельно заработать достаточно денег для оплаты жизненных потребностей. Из-за этого государство просто обязано взять на себя значительный объем услуг и функций, если оно действительно хочет воспрепятствовать вымиранию населения. Для оплаты этих услуг Правительство не может не усиливать фискальной направленности своих оперативных действий, что еще больше уменьшает шансы на оживление производства и ускоряет проедание всех запасов у производителей.

Это тупик, выход из которого Правительство России до сих пор не нашло. Более того, создается впечатление, что оно и не осознает до конца его причины, раз с завидным упорством продолжает плясать под дудку МВФ. А я хотел бы знать, кто из его учредителей был бы огорчен, обнаружив в своей стране устойчивый поток невозобновляемых ресурсов из России, в обмен на поток товаров из их стран, производимых из полученного сырья. Особенно если это приносит большие доходы и создает в этих странах высокооплачиваемые рабочие места.

Вот, вкратце, как мы понимаем сущность наших ошибок. В этом месте стоит остановиться и подумать: произошли ли вообще у нас реформы и сложился ли российский капитализм. Я полагаю, что *да, сложился*, но не такой, который обеспечит процветание России. Вместо *производительного* у нас образовался *паразитический* капитал.

Мы уже неоднократно поясняли различие производительного и паразитического капитала и причины, по которым развитие паразитического капитала таит в себе зародыши серьезных экономических неурядиц и социальных катаклизмов, почему он несовместим с демократией. Напротив, развитие производительного капитала является необходимым условием процветания страны и устойчивого развития.

Паразитический капитал опасен тем, что воспроизводится не через создание и продажу товаров и услуг, а через питающие его присоски к экономике и общественному богатству. Я сейчас успею лишь назвать четыре основные канала питания:

- присвоение необоснованно высокой части ресурсной ренты;
- присвоение бывшего общенародного достояния в виде материальных активов или интеллектуальной собственности;
- расхищение бюджетных средств, в том числе и за счет задержек платежей;
- присвоение неявной составляющей внутренних цен на трудовые, земельные и иные ресурсы.

Когда в начале выступления говорилось о парадоксе появления богатых людей в стране, где падает производство, - фактически говорилось о паразитическом капитале.

ЧТО ЖЕ НУЖНО ДЕЛАТЬ?

Сегодня я смогу дать ответ только крупными штрихами. Начну с тактических мер, а потом скажу о стратегических. Такая последовательность выбрана только для удобства изложения. Очередность не имеет принципиального значения, но важно понимать, что спасти нас может только система мер, из которой, как из песни, слова не выкинешь.

Мы должны, прежде всего,

Перестать губить реальный сектор экономики

Первое, что следовало бы сделать, - это радикально помочь предприятиям, где еще возможно разобраться с проблемой собственника. Многие, наверное, слышали новейшую историю автозавода имени Лихачева. Я возьму этот конкретный пример и на нем поясню, что я имею в виду.

Продавая за бесценок предприятия, как это случилось, например, с московским ЗИЛом, мы получаем не хозяина, а перекупщика. Он, в лучшем случае, эту собственность будет использовать для того, чтобы высосать из нее деньги, потихоньку продавая основные фонды, выкачивая из системы остатки оборотных средств, используя приобретенные территории под склады сбытовой сети зарубежных товаров. Это в наших условиях приносит много больший доход, чем возня с выпуском реальной продукции. Предприятие перестает производить то, что нужно обществу, стране. Это конкретный путь, через который

воцаряется «экономика проедания», и это становится опасным. Появляются безработные, которым, как сказал известный классик, «нечего терять». У них даже цепей-то нет. И когда такой процесс разрастается, - это становится трагедией. Сейчас мы переживаем эту трагедию.

Чтобы оздоровить ситуацию, Правительство Москвы было вынуждено выкупить контрольный пакет акций ЗИЛа. Мы совсем не собираемся на этом заработать. Это сделано для поддержания социального мира и спокойствия в Москве, для того, чтобы не превратить умелых и добросовестных специалистов в нищих, отторгнутых обществом людей.

Сейчас на ЗИЛе мы «раскручиваем» производство. В апреле-мае завод войдет в нормальный рабочий ритм, рассчитанный на выпуск 30 тысяч машин в год, и летом преодолет рубеж положительной рентабельности. На основную массу грузовиков уже найдены покупатели. Это грандиозное хозяйство буквально на глазах оживает. И очень скоро оно вытащит из дыры большое число предприятий-смежников и будет работать на пользу России.

Мы, конечно, выведем ЗИЛ на нормальный уровень. Но дальше капитализируем нашу долю и постараемся не заниматься им. Будем лишь создавать стимулирующую среду для его эффективной работы, на пользу городу, стране и, конечно, на пользу тем, кто там работает. Отсюда и просматривается общий рецепт оздоровления.

Если приватизированное предприятие работает относительно нормально, нужно минимальное вмешательство в его работу. Разумеется, не административное, а чисто экономическое: налогами, кредитами, манипулированием государственными закупками и продажами, прямыми инвестициями и тому подобными мерами.

Конечно, важно и нормативное регулирование, но оно должно относиться не к конкретному предприятию, а к конкретной деятельности. Цель вмешательства: обеспечить переток капиталов в деятельность, отвечающую задачам структурной политики, и пресечь злоупотребления монополизмом некоторых производителей, наследуемым от прошлой системы.

Если приватизированное предприятие серьезно спотыкается, но еще кое-как функционирует, может встать вопрос о его более серьезной поддержке. Разумеется, с учетом структурной политики и анализа причин, по которым

возникают трудности. Если причины «внешние», если трудности порождены последствием прежних методов ведения народного хозяйства, если, в рамках структурной политики, продукция предприятия системно необходима - помогать нужно.

В качестве инструментов здесь можно применять не только чисто рыночные воздействия, о которых я только что говорил, но и административные рычаги. Причем административные решения могут носить индивидуальный характер, учитывающий особенности конкретного предприятия. Финансовая поддержка не должна носить характер благотворительности. Взаиморасчеты в этом случае должны носить бескомпромиссно рыночный характер. Важно, однако, чтобы сроки и формы возвратных платежей не убивали предприятие. В ряде случаев всего разумнее ограничиться адекватным увеличением доли государства в предприятии, а потом, когда предприятие успешно заработает, - капитализировать эту долю.

Особый подход нужен к крупным предприятиям, выбитым в результате приватизации из производительной сферы. Здесь не надо слушать книжных либералов, а срочно восстанавливать работоспособность таких предприятий за государственный счет. Конечно, лучше бы даже за счет тех, кто это допустил, тем более, что, судя по публикациям, деньги у них, в конце концов, появились. Здесь для экономического дарвинизма места нет. Наше дореформенное хозяйство было таким взаимосвязанным, что крушение даже одного, пусть малоэффективного, крупного предприятия может вызвать колоссальную цепную реакцию, в том числе и для «здоровых» предприятий. Проводя реанимацию, нужно, как я уже говорил, опираться и на серьезный экономический анализ, и на структурную политику. Если мы когда-нибудь и придем к выводу о ненужности какого-либо крупного предприятия общероссийского масштаба, то ни в коем случае не будем предоставлять ему тонуть самому.

Поддержка производителей не будет полной, если мы не продумаем стратегию взаимодействия нашего реформируемого хозяйства с глобальной экономикой. Поэтому **второе**, что нам нужно сделать:

Не допустить негативных последствий поспешной глобальной интеграции

Государство должно осуществлять разумную и дальновидную политику протекционизма. Спора нет, интеграция страны в мировую экономику - это естественная и выгодная перспектива для любого государства. Но ведь все знают, что при интеграции стран с сильно различающейся производительностью труда происходит нещадная эксплуатация стран, у которых ВВП на душу населения меньше. И тем более нещадная, чем больше разница. Это азы экономической теории. При такой интеграции страны с низкой производительностью, как правило, превращаются в сырьевой придаток развитых стран. Именно поэтому, например, интеграция Европейского сообщества происходит с ограниченной скоростью.

Осуществляет ли сейчас государство какие-либо меры, парирующие эту угрозу? Можем ли мы говорить о политике разумного протекционизма, реализуемой через систему таможенных пошлин или квот? Всем очевидно, что нет. И ситуацию надо срочно поправлять. Наряду с Комитетом по налоговой политике следует создать комитет по таможенной политике. Хотелось бы особо подчеркнуть, что таможенная политика - это совсем не то же самое, что таможенная служба. Служба у нас есть. У нас нет политики.

Комитет по таможенной политике должен непрерывно, чуть ли не в еженедельном режиме, исследовать влияние импорта на экономическую конъюнктуру внутреннего рынка, влияние российского экспорта на мировые цены, изучать перспективы тех или иных российских производств и назначать таможенные пошлины и квоты в интересах устойчивого экономического развития. И, конечно, следует направлять таможенные доходы не в черную дыру федерального бюджета, а на прямую помощь развитию отечественного производства и конкретно тех отраслей, которые мы защищаем.

Очень важно вести эту работу систематически, но не лихорадочно. Пошлины и квоты не должны меняться чаще, чем раз в год. А еще лучше, если этот комитет заранее объявит о плане изменения пошлин и квот на несколько лет. Это заставит российских производителей инвестировать в повышение эффективности и качества.

Казалось бы, что может быть проще? Но я не могу вспомнить ни одной меры, которую можно было бы назвать таможенной политикой. В основном, мы видим фискальную алчность, а иногда даже просто фискальное крохоборство.

Взять, к примеру, автомобили. Таможенные сборы за ввоз зарубежных моделей составляют приличные суммы. Но зачем же эти деньги «коммуниздить» в черную дыру федерального бюджета? Их надо направить на развитие российского машиностроения. И обязательно сказать, что это на три года. Дальше - выгребайте сами. Все утвердить законом. И система начнет выравниваться.

Автомобили - лишь один пример. Таможенная политика должна заботливо выращивать российских производителей во всех перспективных для нашей страны отраслях. Это важнейший инструмент структурной политики. Все знают, что предприятия могут выкарабкаться и нормально задыхаться, только если они смогут продавать свою продукцию. А мы взяли и отсекали покупателей от большинства наших производителей. Мы нашей таможенной псевдополитикой насильно заставляем покупателей ориентироваться на импорт. Мы этой политикой заставляем российских производителей платить гигантские таможенные пошлины за импорт материалов и оборудования, улучшающих качество российских изделий или повышающих производительность труда. Можно ли с этим мириться? Я не исключаю, что очевидные успехи китайских реформ в немалой степени связаны с тем, что в мировую экономику они интегрируют, в основном, свободные экономические зоны и ставят определенные барьеры на пути интеграции этих зон с основной китайской экономикой.

Хватит о протекционизме. Есть еще много неотложных мер, и среди них одна из главнейших состоит в том, чтобы

Перейти к стимулирующей системе налогообложения

Налоги должны не убивать, а стимулировать производство. Поэтому в политике налогообложения должны произойти радикальные изменения. Это - **третье**, о чем хотелось бы специально поговорить.

Помню, как в конце 80-х - начале 90-х годов на правительство «наезжали» хозяйственники, твердившие: недопустимо, чтобы на налоги у предприятия уходило больше 50, более 60, более 70 процентов от прибыли. А сейчас, например, в пищевой промышленности налоги могут достигать 80-85 процентов! Сегодня мы говорим: если налоги будут в районе 60 процентов, это станет счастьем для хозяйствующих субъектов. От чего убежали, к тому и прибежали! И самое плохое в том, что при такой

политике предприятие может выжить, только если работает через пень-колоду: без прибыли или с проеданием основных средств. Малейшие попытки повысить эффективность убивают предприятия. Государство не имеет права так расправляться с промышленностью, которая является основой независимости страны.

В основе могущества и независимости страны лежат не заявления политиков, не похвалы Международного валютного фонда, не заимствования, пересылающие сегодняшние проблемы нашим детям и внукам, не благопристойный имидж Министерства экономики, а собственные передовые технологии в машиностроении, химической промышленности, электронике, машино- и приборостроении. Необходимо формировать в России новый, технологический уклад экономики. И для решения этой последней задачи у нас есть определенные заделы, потому что наша прежняя система стандартизации продукции - это и есть по-существу технологический уклад. К сожалению, он не был напрямую увязан с естественной мотивацией и интересами людей и поэтому не дал полного эффекта. Но методики и навыки, необходимые для внедрения технологического уклада в России, есть, и даже большие, чем во многих других странах. Но вернемся к налогам.

Налоговая политика не может состоять в том, что чем лучше предприятие работает, тем больше оно обязано тратить на федеральные или местные нужды. Так мы никогда не избавимся от бедности и неэффективной работы. Так мы сможем только исключить возможность стать богатым за счет производства товаров и услуг. А это значит - убить страну.

К слову сказать, аналогичных принципов мы придерживаемся при распределении общих расходов между субъектами Федерации. И тоже совершенно напрасно. Последствия будут примерно такого же характера.

Для перелома негативных тенденций необходимо как можно скорее перейти к стимулирующей налоговой системе. Как такая система должна строиться, уже много писалось и говорилось. Споров по этому поводу еще много, и разработка окончательного решения может занять относительно долгое время. Но затягивать более чем опасно. Поэтому нужно хотя бы начать этот сложный процесс. В частности, нужно немедленно установить законом предельный уровень отчислений в государственную казну от доходов предприятий. Все, что заработано предпри-

ятием сверх этого уровня, должно ему принадлежать целиком и полностью. Очевидно, что такая мера будет вытеснять неэффективно работающих предпринимателей и, наоборот, сразу создаст преимущества для тех, кто работает эффективно. И тем больше преимуществ, чем эффективнее работа.

Напомню, что я обещал говорить только крупными штрихами. Поэтому не смогу дольше говорить о реформе системы налогообложения, хотя понимаю, что в данной аудитории следовало бы сказать больше.

Перейду к **четвертой** - чрезвычайно важной мере. Мы должны найти способ

Снять с производителей удавку ТЭКа

Мы сегодня оказались неконкурентноспособными не потому, что не умеем работать, не потому, что мы такие слабые в организации и управлении производством, а из-за странной структуры себестоимости продукции. Слово «странная» - это, пожалуй, самое мягкое, что здесь можно сказать.

Я уже приводил статистические данные по структуре затрат. Основные фонды, к сожалению, не приросли и их доля в себестоимости не стала существенной. Зарплата у нас пока очень мала, да и выплачивается нерегулярно. Основные затраты идут на закупку материалов и на топливно-энергетические ресурсы. Причем предприятия, как правило, не могут оплатить их стоимость, а если бы и оплатили, то тогда граждане страны, с их нищенскими зарплатами, не смогли бы оплатить стоимость энергоресурсов, вложенную в произведенные товары. И это в ситуации, когда по Конституции именно граждане России являются собственниками энергоресурсов!

Невероятно высокая стоимость топлива и энергии душит производство. Если сказать точнее, производство душит не сама по себе высокая стоимость энергоресурсов, а то обстоятельство, что рентная составляющая цены энергоресурсов оседает в качестве сверхприбыли сбытовых организаций, а не достается ее законному владельцу - российскому народу. Если бы мы направили эту составляющую в бюджет и «провернули» бы ее в виде оборотных средств через народохозяйственный комплекс, мы бы обеспечили рост производства, расширили бы это узкое место, сняли бы петлю с российских производителей.

Я очень скептически оцениваю попытки разрешить проблему энергетической удавки разного рода финансовыми инструмен-

тами. Это мне напоминает изобретение *перпетуум мобиле* или поиски *философского камня*. А в некоторых случаях даже игру в наперсток. Нужны существенно более радикальные меры. Элементарные расчеты показывают, что российский народ просто не выживет в нашем климате и на наших просторах, если вынужден будет платить такие суммы за энергоносители и транспорт.

Россия должна жить и должна привести свое хозяйство в нормальное состояние, даже если кто-то, по существу, ангажированный топливно-энергетическим комплексом, боится чуть-чуть повернуться в сторону производительной экономики. Но это обязательно будет сделано. И чем раньше, тем меньше будет жертв. Такой поворот исторически неизбежен, и как быстро он произойдет - зависит от нас с вами. Поэтому сейчас первостепенная задача - сделать энергоносители доступными для производителей и покупателей продукции. Это может быть реализовано разными способами, например, снижением цен на топливно-энергетические ресурсы. Этот способ, учитывая наш прошлый хозяйственный опыт, видимо, легче всего реализовать.

Давайте оценим, как повлияло бы на экономику снижение цен на энергоносители. И не на 15 процентов, о которых говорят в Минтопэнерго, а значительно больше. Там, видите ли, опасаются, что добыча энергоресурсов станет убыточной. Как же так? Мы боимся, что эта отрасль станет убыточной, и не боимся, что все, кроме нее, уже убыточно! А как же в других странах? Когда вы во Франции покупаете, например, бензин, то 80 сантимов из каждого франка - это доходы бюджетов разного уровня. За 20% цены бензина удается расплатиться и с собственниками месторождений, и с транспортными компаниями, и с нефтеперегонными предприятиями, и получить прибыль.

Впрочем, в отношении убыточности топливно-энергетической отрасли у меня возникают собственные интересные соображения. Сегодня за энергию платят примерно 15-17 процентов предприятий. Но большую часть неплательщиков продолжают снабжать энергоресурсами. Потому, что это социальная сфера и прекращение энергоснабжения вызывает резкую реакцию населения. Либо потому, что иначе возникнет угроза безопасности страны или технических объектов. И при такой 15-процентной оплате отрасль все же держится, и заработки в ней весьма приличные. Если же существенно снизить цены, то

количество платежеспособных потребителей можно довести до 85 процентов. И не нужно обладать какими-то сверхглубокими знаниями в области математики или экономики, чтобы подсчитать: при таком режиме платежей топливно-энергетический комплекс получит денег больше, чем получает сейчас.

Я подсчитал, что снижение цен за энергию в 4 раза при соответствующей дисциплинированности и обязательности потребителей не приведет к тому, что ТЭК начнет «загибаться». А вот при нынешней ситуации он будет загибаться все больше и больше, потому что количество платежеспособных хозяйствующих субъектов будет неуклонно сокращаться.

Небезынтересно посмотреть, какова структура затрат энергетиков. Почему у них там такие «дикие» цены. И здесь мы увидим очень интересные вещи. Оказывается, на один рубль затрат на производство электроэнергии приходится порой до трех рублей затрат на ее распределение. И только после этого цены на энергоносители достигают мировых. Вот почему мы говорим, что ресурсная рента оседает в качестве сверхприбылей у сбытовых организаций. Как говаривал Аркадий Райкин: «Ребята, вы неплохо устроились!»

Я не против больших заработков в ТЭКе, как, впрочем и в любой другой отрасли. Но я считаю, что эти большие заработки должны возникать только из-за того, что отрасль нашла более дешевые, чем у конкурентов, способы добычи, транспортировки и переработки сырья. А не процентом от стоимости прокачиваемых через энергетиков ресурсов.

Рассмотренное понижение внутренних цен на энергоносители безусловно сделает их более доступными для производителя и потребителя, но может породить трудности при внешнеэкономическом взаимодействии и при организации энергосберегающих мероприятий. Кроме того, такое снижение является потенциально криминогенным. Известны меры, позволяющие ослабить эти негативные аспекты. Наиболее эффективной может оказаться использование ресурсной ренты непосредственно в бюджете, как уже неоднократно предлагалось. Если тот, кто добыл природный ресурс, купит его у народа России через ресурсную ренту (ее называют иногда роялти, иногда горная рента и т.п.), хотя бы в долг, мы без труда сможем сделать пользование энергоресурсами страны возможным для всех **достаточно экономных** российских производителей и россий-

ских граждан. Произойдет увеличение платежеспособного *спроса* и появится *предложение*, произведенное в России.

Мы понимаем, что осуществление предложенных мер встретит в определенных влиятельных, но недалековидных кругах легко предсказуемое противодействие. Здесь, и это - **пятое**, мы приходим еще к одному крайне важному государственному вопросу: как нам

Обезвредить наследуемую монопольную структуру экономики России и СНГ

Я употребил здесь слово *обезвредить* вместо обычно применяемого слова *ликвидировать* по причинам, которые вскоре выяснятся. Я думаю, что быстро ликвидировать такую структуру можно только вместе с экономикой, а обезвредить - вполне реально.

Не секрет, что основным замыслом нашего прежнего хозяйственного устройства была максимальная концентрация производства. Это, безусловно, снижало издержки, но одновременно снижало маневренность и стимулировало застойные явления. Кроме того, даже несмотря на жесткое государственное регулирование цен имелась возможность использования монополизма для выкручивания рук заказикам. Очевидно, что в такой ситуации отказ от государственного регулирования цен и тарифов должен был быть изначально дополнен действенными мерами, исключающими злоупотребления монопольным положением на рынке.

А что у нас происходит в сфере борьбы с монополизмом? Почему здесь так тихо? Почему все покрыто какой-то вуалью: и в прессе, и в правительстве, и в наших взаимоотношениях с монополистами? Три гиганта: ТЭК, ЕЭС и железные дороги планомерно и безжалостно душат производительный потенциал страны, а мы ничего не можем этому противопоставить!

Нам нужно серьезно пересмотреть организацию антимонопольной работы. Недопустимо, чтобы антимонопольные органы превращались в бесполезные присоски к экономике, собирающие дань лишь за то, что они сквозь пальцы смотрят на злоупотребления монополистов. Вряд ли разумно, как это происходит сейчас, прикреплять людей-надсмотрщиков к конкретным отраслям.

Возьмите те же самые перевозки. Три человека должны бороться с таким могущественным естественным монополистом, как Мини-

стерство путей сообщения. Да такой монстр задавит кого угодно! Нужно организовать работу по-другому. Государство должно иметь возможность эффективно приводить в чувство любого зарвавшегося монополиста! И здесь административные методы, а тем более формальное разрезание бывшего монополиста на несколько кусков, должны занимать далеко не первое место.

В мировой практике отработаны достаточно эффективные экономико-правовые механизмы для пресечения злоупотребления монополизмом через структурную, налоговую, кредитную и закупочную политику. Тогда монополии естественным образом разваливаются сами либо перестают злоупотреблять своим монопольным положением. Но это все мы видим только в книгах, а не в реальной российской действительности.

Еще одна, **шестая** мера, состоит в том, чтобы, наконец,

Кардинально решить проблему оборотных средств производителей

Производство у нас удушается не только высокой ценой энергоносителей, не только транспортными монополиями, но и пагубной политикой по отношению к оборотным средствам предприятий.

Когда были отпущены цены, главный удар был нанесен по оборотным средствам. В них было сосредоточено 10 процентов национального богатства, основная часть денежных средств. Без них производство абсолютно невозможно. В результате непродуманных экономических мер эти средства мгновенно уменьшились почти в 10 тысяч раз. Иначе как бандитской эту операцию не назовешь. Только она одна была бы способна поставить Россию на колени и превратить ее в сырьевой придаток развитых стран.

Оборотные средства нужны всегда, а сейчас - особенно. Вот, к примеру, ЗИЛу нужно непременно найти оборотные средства, потому что на нем висят 875 предприятий-смежников. И взаимодействовать с ними нужно в режиме предоплаты. Это, конечно, сильно усложняет производство.

Раньше, а я был директором предприятия в течение 14 лет, у нас вся работа шла на телефонных звонках. Режим доверия являлся непременным фактором экономического сотрудничества. Разумеется, он постоянно подкреплялся тем, что мы своевременно рассчитывались по обязательствам. Сейчас ситуация изменилась. Партнеры говорят: «Есть предоплата - работаем, нет

- общий привет». Экономика насторожилась, перешла в такое состояние, что ближайшим родственникам перестали верить. Словом, вопрос с оборотными средствами - буквально ключевой.

Что можно и нужно сделать сегодня? Необходим комплекс мер. Наиболее полно эта проблема была бы решена, если бы в качестве оборотных средств использовалась ресурсная рента, запускаемая в хозяйственный оборот через бюджетную сферу.

Очень важны меры по укреплению доверия, что достигается, прежде всего, укреплением судебной системы и повышением ее действенности и производительности.

В качестве срочнейшей меры следует приостановить практику беспорядочного изъятия средств предприятий за долги, если это лишает их оборотных средств.

Но, пожалуй, самое важное - это обеспечить возможность получения малопроцентных банковских кредитов и, что не менее важно, научить производителей ими грамотно пользоваться.

Сейчас процентная ставка, хоть и опустилась примерно до 50 процентов, все равно остается непосильной для реального сектора экономики. А сколько нужно, чтобы предприятия могли воспользоваться кредитами как оборотными средствами 10 процентов это, я думаю, почти предел.

Как снизить цены кредитов? Ни уговоры, ни запреты серьезно не помогут. Деньги дороги потому, что есть возможность получать на них доходы много больше, чем в реальном секторе экономики. Значит, самое главное - исключить возможность получения больших доходов иным способом, кроме как производство товаров и услуг. И здесь возникает **седьмая, главная, стратегическая** задача -

Подавить развитие паразитического капитала и поощрить накопление капитала производительного

Мы неоднократно подчеркивали, что *подавление* ни в какой мере не предполагает передела собственности или экспроприации. Роль матросов с пулеметными лентами должны сыграть правила экономической игры, которые обеспечат добровольный переток капиталов в производительную сферу. Главное, что для этого нужно сделать, - это уничтожить присоски к экономике, питающие паразитический капитал.

Экономические способы перекрыть эти каналы нами проработаны, и мы стараемся применять их в нашей повседневной

работе. На эту тему есть довольно много публикаций, и мне вряд ли разумно сейчас вдаваться в детали.

Видите, сколько всего нужно сделать. Возможно ли все это? Положительный опыт решения некоторых из названных проблем в Москве говорит о наличии такой возможности для всей России. Очень бы хотелось, чтобы мы все же наконец взяли за ум и подумали не только о сиюминутной возможности что-то захватить, но и о долговременных перспективах нашей страны, по крайней мере как места жительства наших детей и наших внуков.